

Л.И. Кричевская

Портрет героя

Часто, смотря очередную экранизацию, никак не можешь убедить себя в том, что человек на экране — это и есть герой книги, носящей одинаковое с фильмом название. И уже ничто тут не поможет: ни верность источнику, ни блистательное исполнение. А причиной оказывается внешняя непохожесть актера. Значит, читатель, по существу никогда не видевший героев книги, может судить об их наружности. В чем же дело? Как получается, что мы знаем литературных героев в лицо? Ответ на эти вопросы естественно искать в самих произведениях, в художественном слове писателя.

Представляя своего героя, автор показывает, как он выглядит, как одет, как держится, говорит. При этом обычно отбираются те черты внешности, которые соответствуют возрасту, общественному положению человека, его психологическому складу. Портрет литературного героя неразрывно связан не только с содержанием его личности, но и с художественным строем произведения, особенностями авторского видения действительности.

Описать героя в литературном произведении можно разными способами. Писатель, например, может непосредственно показать нам его:

«Вошел человек лет тридцати пяти, высокого роста, несколько сутуловатый, курчавый, смуглый, с лицом неправильным, но выразительным и умным, с жидким блеском в быстрых темно-синих глазах, с прямым широким носом и красиво очерченными губами. Платье на нем было не ново и узко, словно он из него вырос».

Это тургеневский Рудин.

Мы можем услышать о герое отзывы других действующих лиц. Например, лермонтовский Максим Максимыч так описывает Печорина:

«...В транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти... Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно».

Герой может набросать нам автопортрет, как это сделал маленький Дэвид Копперфилд в романе Диккенса:

«К тому времени мои башмаки пришли в печальное состояние. Подметки по кусочкам отвалились, а сверху кожа потрескалась и лопнула, так что они ни видом своим, ни формой уже не походили на обувь. Шляпа (служившая мне и ночным колпаком) была так сплющена и помята, что самая старая дырявая кастрюля без ручки, валяющаяся в мусорной куче, могла бы преспокойно соперничать с ней. Моя рубашка и штаны, загрязнившиеся от пота, росы, травы и кентской земли, на которой я спал, и вдобавок разорванные, могли бы отпугивать птиц от бабушкиного сада, куда я стоял у калитки. Волосы мои не знали ни гребня, ни щетки с той поры, как я ушел из Лондона. От непривычного пребывания на открытом воздухе и солнцепеке мое лицо, шея и руки загорели и стали коричневыми. С головы до пят я был осыпан меловой пылью, словно вылез из печи для обжигания извести. Вот в каком плачевном состоянии, мучительно это сознавая, я собирался встретиться с моей грозной бабушкой и медлил, прежде чем впервые предстать перед ней».

Иногда автор представляет читателю портрет героя, нарисованный художником, или фотографию. Так впервые появляется перед нами Настасья Филипповна из «Идиота» Достоевского:

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы,

по-видимому темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна...»

Кроме того, вещи, неодушевленные предметы могут приобретать внешнее, «портретное» сходство со своим хозяином, косвенно выявляя особенности его характера. Вспомним, как у Гоголя каждая вещь в доме Собакевича, казалось, кричала:

«И я тоже Собакевич!»